

Марсель Прево

ПОЛУДЕВЫ

СЕДЬМАЯ КНИГА

Марсель Прево
Полудевы

«Седьмая книга»

1894

Прево М.

Полудевы / М. Прево — «Седьмая книга», 1894

Как выжить светской девушке в европейской столице и сохранить порядочность, если финансы твоей семьи на исходе, а круг кредиторов все теснее и развязнее? Как пробиться в Париже красивому и статному юноше, если его единственный спонсор однажды внезапно умирает, а любимая девушка-парижанка сама в поисках средств? Любовь не продается! Или, все-таки продается? Этот, далеко не праздный вопрос, задает Марсель Прево в своем, пожалуй, самом популярном романе.

© Прево М., 1894

© Седьмая книга, 1894

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марсель Прево

Полудевы

Глава 1

Мод, сидя за письменным столом в маленьком салоне, торопливо набрасывала телеграмму, а ее мать, мадам де Рувр, страдающая ревматизмом, полулежала в длинном кресле и читала английский роман.

Письменный стол, слишком низкий для высокого роста Мод, был темно-красного дерева и той старинной формы, которая изготавливается в Лондоне и в настоящее время популярна в Париже. На всей остальной мебели как в этом, так и в другом более обширном салоне, который виден был через большую арку без драпировки, лежал отпечаток английского вкуса, смешного, и немного антихудожественного, но принятого обществом, утомленного созерцанием образцов французского стиля последнего столетия. Тут были и лакированные гнутые стулья, белые и светло зеленые, и слишком широкие кресла красного дерева, с твердыми подушками, обитые сафьяном вместо шелка, и низенькие табуреты; портьеры под цвет обоев из тяжелой одноцветной материи, прикрывали легкие занавески с оранжевыми и зеленоватыми цветами, падали с карнизов глубокими прямыми складками; зеленовато-желтый ковер напоминал луг в подстриженном английском парке.

Вообще во всем убранстве комнаты был строго выдержан стиль последней моды. Квартира, занимавшая целый этаж, с пятнадцатью окнами по фасаду, находилась на втором этаже одного из тех громадных домов, которыми в последнее время парижские архитекторы обильно украсили множество улиц по соседству с площадью Этуаль. На одной из таких улиц – на улице Клебер, рядом с площадью Этуаль, и находился этот дом. В большие приемные дни и для балов в уровень каждого этажа подземная машина поднимала огромную подвижную площадку, занимавшую все пространство внутреннего двора; чем значительно увеличивались размеры квартиры. Обитательницы этой квартиры, (мадам Рувр, овдовевшая вскоре после развода, и дочери ее, Мод и Жакелин), имели отдельные помещения, выходившие на галерею, параллельную главному фасаду.

Мод де Рувр, по инициативе которой, устроена была вся причудливая обстановка, своей красивой фигурой только способствовала украшению дома. Несмотря на широкие бедра и развитую грудь, она казалась тоненькой, благодаря высокому, гибкому стану, грациозным плечам, маленькой головке с бледным личиком, обрамленным волосами странного, неопределенного темного цвета, вроде цвета потемневшей от времени золотой ткани, сквозь коричневый налет которой виднеется отблеск благородного металла. Из-под густых волос, завернутых а ля «джапан», выступал узкий лоб с правильными, точно нарисованными, бровями и чудными голубыми глазами средней величины; носик также был прелестный, сверху тоненький, с раздувающимися ноздрями, чуть-чуть вздернутый, – признак задора и кокетства. Только рот немного нарушал гармонию: маленький, с прекрасными зубами, он был скорее круглый, чем овальный, а в губах специалист открыл бы едва приметные вертикальные черточки. И эту приметку исследователь вырождающихся рас наверно сопоставил бы с крошечными ушами, прикрепленными к голове почти без мочки.

А кто знает? Очень возможно, что именно эти маленькие неправильности, нарушающие общий ансамбль красоты, и составляет ту притягательную силу, ту тайную прелесть, которая заставляет так любить подобных женщин. И действительно, Мод, склонившаяся над своим сафьяновым блокнотом, неотразимо привлекала на себя внимание, останавливала взор, который, может быть, равнодушно скользнул бы по другим, более классическим чертам. В простом

платье из серого крепа, с шелковым поясом, без всяких украшений и отделки, красиво охватывавшем ее стройную фигуру с длинными руками, без колец, с нежной прозрачной кожей, свежей как листок камелии, и с чем-то неопределенным в изгибах рук и шеи, Мод казалась совсем молоденькой девушкой, не девочкой, а именно девушкой, едва достигшей 20 лет. Глядя на ее широкие бедра, развитой бюст, сосредоточенно устремленный в пространство взгляд, который она отвела от бумаги, на эту появившуюся на лбу складочку от напряжения найти не дававшееся слово и что-то решительное, недетское и даже как бы законченное в движениях, невольно возникало сомнение, и напрашивался вопрос: «А не женщина ли она уже?» На самом деле, в разные дни, смотря по расположению ее духа и туалету, ее называли то «мадемуазель», то «мадам» в магазинах, куда она уже давно ездила одна, так как мадам Рувр, постоянно страдавшая ревматизмом и ленью, свойственной всем креолкам, почти никуда не выезжала.

Не было положительно ничего общего между этими двумя женщинами, матерью с изможденным от страдания лицом и дочерью. Таухниц, которого читала мать, упал на ковер. Судя по сохранившимся портретам, Эльвира Гернандец была очень красива в то время, когда Франсуа де Рувр, благородный жирондист, высадился около 1868 г. на Кубе в поисках богатства, влюбился в Эльвиру и женился на ней; таким образом, он нашел счастье, которое так старательно искал. От былой красоты Эльвиры в настоящее время не осталось и следа, ни в избогтавшемся теле, ни в лице, как-то странно сморщенном и смятом; она покрывала его толстым слоем пудры и этим довершала тип дуэньи, который олицетворяет, за немногими исключениями, почти каждая сорокалетняя испанка.

Лишенная прежних прелестей, она сохранила, несмотря на болезнь, девическое легкомыслие, беспечность и страсть к нарядам и мишуре, и только с энергией Мод и ее деспотизмом можно было запретить ей надевать на гулянья те пестрые костюмы, которые она ухитрялась заказывать украдкой от дочери. Когда же ревматизм удерживал ее дома, то она бывала чрезвычайно неряшлива и по целым дням не снимала утреннего платья. Вот и сегодня, хотя был вторник, ее приемный день, в два часа она еще валялась в коричневом капоте, украшенном лентами цвета гаван, не причесанная, не умытая, с пудрой на лице.

Мод закончила составлять телеграмму, пометила ее 4-м февраля, заклеила и написала адрес.

– Кому это? – спросила мать.

– Аарону. Он целый день занят в своей конторе, а потому я пишу ему телеграмму в католическую факторию.

Мадам Рувр, повернувшись в своем кресле, со вздохом проговорила:

– Что тебе понадобилось от этого гадкого человека?

– Мне нужна ложа на завтрашнюю оперу, на первое представление. Я пишу, чтобы он привез мне сегодня вечером билет. В прошлый вторник я так дурно приняла его, что он не решается показаться мне без приглашения. Записка поправит дело: в пять часов он будет здесь и по-прежнему веселый и любезный.

Мод некоторое время повертела телеграмму в руках, перечитывая адрес, потом проговорила:

– «Директор католической фактории». Это будет недурно звучать для Шантелей.

Мать воскликнула в ужасе:

– «Для Шантелей!» Надеюсь, нам незачем показывать им этого господина, какого-то поддельного эльзасца, фальшивого католика, эксплуатирующего священников, добрых сестер милосердия, религиозные общины и к тому же еще позволяющего себе всюду говорить, что влюблен в тебя, как будто мадемуазель де Рувр может удостоить своим вниманием франкфуртского ростовщика, да еще вдобавок женатого. В первый визит сюда мадам Шантель должна увидеть кого-нибудь получше... Наши вторники охотно посещаются!

Мод молча слушала с полугрустной, полуиронической улыбкой.

– Да, очень охотно, – произнесла она. – Лишь только, что слишком много министерских чиновников, всем известных лиц; чиновники кабинета вроде Летранжа, секретари депутатов как Жюльен, – все остатки отцовского кружка и знакомые по водам; не этим можно удивить людей такого древнего рода, как Максим и его мать.

– А мадам Учелли?

– О! Эта!

– А что?! Как-никак приятельница герцогини Спецциа?...

– Именно, – прервала молодая девушка, – это слишком заметно. Если она встретит здесь Шантелей, то не надо говорить о герцогине Спецциа.

– А как ты думаешь, будут Ле Тессье? – спросила, помолчав мадам Рувр.

– Поль? Не знаю... сегодня большие дебаты в сенате о привилегиях Французского банка; он должен там выступать. Но Гектор наверно приедет, как всегда по вторникам.

– Ну что же, если Максим и его мать встретят здесь сенатора, будущего министра, как Поль, княгиню, мадам Учелли...

– Директора финансового общества вроде Аарона, – с насмешкой перебила Мод.

– И настоящего джентльмена, известного спортсмена, как Гектор...

– Конечно, они будут в восторге, – заключила девушка. – Ну, дай-то бог!..

– Что же, ты думаешь, они каждый день бывают в таком обществе? Посмотрела бы я на их приемы там, в их Пуату, Везери!

Мод встала и нажала пуговку электрического звонка около камина.

– Я не знаю, – сказала она, – кого принимают Шантели в Везери; может быть, самых ничтожных и смешных людей, но я уверена, что это самое благородное, почтенное общество во всем округе.

Мадам Рувр отвечала:

– Ба!.. Да разве может быть что-нибудь проще мадам де Шантель. Вспомни, как мы сошлись с ней на водах в Сент-Амане, как мы играли с нею в безик, наши прогулки под ручку в лесу...

– Правда, – задумчиво промолвила девушка, – вы были хорошей парочкой.

Смотря на мать, она невольно задавала себе вопрос, что могло сблизить в тиши небольшой и уединенной северной станции эту старую, уже потерявшую ум женщину, ее мать и благородную провинциалку, строгую католичку-пуританку, каковой была мать Максима де Шантель.

«Обе крайне набожны, – думала она, – у обеих одна болезнь с различными проявлениями и каждая считает другую больнее себя. Все это очень понятно. А вот я чем понравилась Максиму?»

Стоя перед камином, она воскрешала в памяти четыре дня, которые Максим провел у матери в Сент-Амане, когда он невольно, даже почти без стараний с ее стороны, влюбился в нее. Затем он неожиданно уехал и уединился в Везери, где у него большие поместья. В продолжение нескольких месяцев о нем знали только по письмам его матери к мадам Рувр.

Мод подумала: «Это ничего не значит... он влюблен, а забыть меня нельзя». И действительно, он приехал с матерью, которой надо было посоветоваться с докторами.

* * *

– Что угодно, мадемуазель? – спросила горничная, явившаяся на звонок.

– Отправьте это на телеграф, Бетти. Зажгите лампы в большом зале, но прежде прикройте печь. Здесь очень душно.

– Слушаю, мадемуазель.

– В половине пятого сходите за Жакелин на курсы. Попросите ее сейчас же переодеться и прийти помочь мне разливать чай.

– Хорошо, мадемуазель... И это все?

– Да... Ах, подождите, около трех часов ко мне придет... одна молодая девушка... проведите ее прямо сюда, но только не через большой зал, и сообщите мне о её приходе.

– Даже если будут гости?

– Даже и тогда. Впрочем, тогда еще никого не будет.

– Кто это к тебе придет? – спросила мать, с трудом приподнимаясь в кресле.

– Ты не знаешь... Это монастырская подруга, которую я не видела с самого выпуска.

– Что же ей от тебя надо?

– Да я не знаю, – сказала Мод нетерпеливо. – Знаю одно, что ей надо меня видеть.

– Как ее зовут?

– Дюруа... Этьеннет Дюруа.

Мадам Рувр с минуту припоминала:

– Этьеннет Дюруа... не помню...

– Ты никогда ничего не помнишь, – с досадой проговорила дочь.

Прервав разговор, она отошла поднять занавеску и взглянула на улицу, слегка усыпанную снегом, несмотря на яркий солнечный день; по ней сновали кареты с поднятыми стеклами и спешили закутанные в меховые воротники прохожие.

Горничная между тем продолжала стоять на пороге маленького салона.

– Я больше не нужна вам, мадемуазель? – наконец спросила она.

– Нет, – ответила Мод...

– Отведи меня в мою комнату, – сказала мадам де Рувр, вставая. – Скажи, Мод...

– Что, мама?

– Мне ведь незачем спешить, не так ли?

– Нет. Оставайся в своей комнате, пока не приедет мадам де Шантель; тогда я пришлю тебе сказать.

– Хорошо... Пойдемте, Бетти. – Дайте мне руку.

Она уходила через большой зал, опираясь на руку горничной; левая нога ее волочилась. Прежде чем выйти, она обернулась.

– Мод?

– Что, мама?

Она подошла к матери, стараясь скрыть свое раздражение. Больная подыскивала слова, как будто не решаясь сказать то, что хотела.

– Ты помнишь ту эгретку? Стразовую, что мы видели на днях в «Японской старине»?

– Помню... Что же дальше?..

– Видишь... я забыла сказать тебе: я написала, и мне сегодня вечером доставят ее.

Мод мгновенно вспыхнула; на лбу собралась складка, глаза потемнели.

– Но ведь это нелепо!.. Ну, скажи мне, – прибавила она, подавляя свой гнев, – на что она тебе?..

– Собственно, большой надобности мне в ней нет, – ответила мадам де Рувр, – мне просто захотелось иметь эту вещь. Ведь, я так мало имею удовольствий, не правда ли? Вместе с тем, принесут также и счет. Надеюсь, нам все равно, 300 франков больше или меньше?

Мод промолчала; мать вышла, а она вернулась в маленький салон. Ей попала на глаза тоненькая деревянная ручка на письменном столе, воспоминание о каком-то курорте; она взяла ее, но пальцы у нее так дрожали, что она переломила ее, а обломки полетели в камин. Бетти опять вошла.

– Мадемуазель...

– Что, уже пришла молодая особа?

– Нет, мадемуазель, пришел господин Жюльен.

Мод с досадой ударила рукой по мраморной доске камина.

– Оставьте вы эту привычку говорить «господин Жюльен»; называйте его «господин де Сюберсо». При гостях это особенно неприлично... Почему же не идет господин де Сюберсо?

– Жозеф отворил ему... Он не знал, где вы, и господин Жюль... господин де Сюберсо прошел без доклада в вашу комнату.

Бетти проговорила это совершенно просто, и Мод, по-видимому, нисколько не удивилась.

– Скажите ему, что я ожидаю его здесь.

Оставшись одна, она посмотрелась в каминное зеркало без всякого кокетства, просто по привычке светской женщины, которая в первый раз в этот день предстанет глазам мужчины, все равно будь это брат или старый друг.

Спустя минуту, другую, на пороге маленького салона появился Жюльен Сюберсо; ему было не более тридцати лет, одет он был очень изысканно, высокого роста, сильный и худой, лицо матовое, почти без усов, но с прелестными темными, несколько длинными волосами, спускавшимися на воротничок. Это неправильное лицо с узким подбородком, тонкими губами, строгой формы носом, было бы почти сурово, если бы не озарялось прекрасными светло-голубыми глазами, нежными и с выражением нерешительности, как у женщины.

Мод обернулась и окинула его тем восторженным взглядом влюбленной, которая с удовольствием видит, что любимый человек и на этот раз так же изящен и красив, как раньше.

Он взял протянутую ему руку и почтительно поцеловал.

– Здравствуйте, мадемуазель!.. Как ваше здоровье?

Беглым взглядом он оглядывал салон и соседнюю комнату.

– Здесь никого нет... – проговорила вполголоса Мод.

Тогда он привлек ее к себе, прижал, расцеловал шею, глаза, щеки, пока губы их не встретились и не слились в продолжительном жарком поцелуе.

Наконец, они оторвались друг от друга.

Мод, с немного зардевшимся лицом, подошла к зеркалу и поправила волосы и несколько сбившиеся складки корсажа. Сюберсо опустил в кресло возле письменного стола и молча любовался ею.

Она стояла рядом с ним, опираясь о спинку кресла.

– Мод!.. дорогая Мод!.. – шептал в порыве страсти молодой человек.

Она смотрела ему прямо в глаза и тихо, но внятно, едва, шевеля губами, проговорила:

– Я люблю тебя!

В эту минуту с её глаз, со всего лица и всей фигуры слетел тот неопределенный ореол девственности, который окружал ее, пока она писала за этим столом в присутствии матери. Теперь она казалась женщиной, с пламенем в глазах и какой-то покорностью в позе, изобличавшей девушку, знакомую с прелестью мужской ласки.

Жюльен отвечал:

– Я жаждал услышать это от вас... я так скучал с нашей последней встречи у Реверсье.

Она села в кресло и, устремив на него нежный взгляд, сделавшийся теперь ясным, спросила:

– Опять проиграл?

– О, нет... Наоборот... Вот посмотрите, что я сделал за ночь.

Он извлек из внутреннего кармана длинного редингота, узкого в талии и широкого в груди, и показал пачку скомканных банковых билетов.

– В «Рю Ройяль»? – спросила Мод.

– Нет, в «Дё Монд», с Аарона.

– С Аарона? Это уже лучше! Однако, вы все-таки виноваты, вы обещали мне...

Сюберсо равнодушно махнул рукой.

– Ба! Что за беда!.. хуже, чем теперь, мне не будет; а ведь надо же мне жить... Да к тому же игра отвлекает меня от моих проблем.

Она взяла его за руку и с улыбкой спросила:

– Кого же вы хотите забыть? Меня?

– А что? Это возможно? – ответил молодой человек, отводя руку, но тотчас затем прибавил:

– Ох, простите меня... Мне что-то скучно сегодня и нервишки шалят... Вы причиняете мне так много огорчений.

Мод вопросительно смотрела на него; он продолжал:

– Да, вы причиняете мне много печали; похоже, вы не принадлежите мне более: я перестал ощущать вас своей...

Молодая девушка молча, взглядом указала ему на место, где они только что так жарко обнимались, и от этого напоминания Жюльена бросило в дрожь.

– Все упреки да попреки... Однако, вам известно, я делаю, что могу, уверяю вас.

Сюберсо, несколько успокоенный, опустил голову.

– Так давно, давно вы не приходили, – простонал он негромко, точно боялся, что слова его услышит та, к кому они относились.

И действительно, Мод порывисто встала, глаза ее затуманились, лоб наморщился, на лице выступило страдание, как в ту минуту, когда мать говорила ей о стразовой эгретке.

Жюльен уже стоял около нее с горячей мольбой:

– О, не сердитесь на меня, Мод... Я знаю, что вам это неприятно, но я не в силах молчать... Вся моя жизнь в этом воспоминании, в этих двух свиданиях... Клянусь вам, если бы мне сказали: «она еще раз придет к тебе, пробудет один час, как те два раза... а после этого тебя немедленно убьют», я согласился бы и благословил бы моих убийц... Вот как я люблю вас, моя Мод!

Она, по-прежнему стояла, облокотившись о камин, и слушала его. Он продолжал прерывающимся голосом:

– Особенно тот раз... помнишь твой последний приезд ко мне... 3-го января. Как ты хороша, Мод, я ничего в своей жизни не видел лучше тебя... И ты не хочешь более прийти ко мне?

Она медленно повернулась:

– Ты несправедлив! Разве я не принимаю тебя здесь, сколько тебе вздумается? Разве за нами здесь следят? Не остаешься ли ты в моей комнате, сколько тебе хочется? Мама перестала видеть в этом что-нибудь особенное, и наша прислуга хорошо вышколена.

– Нет, – возразил Сюберсо, – это совсем другое, здесь или у меня. Ты говоришь, что прислуга ваша вышколена, за себя я, кажется, ничего не боюсь, смеюсь над пулей и ударом шпаги; но меня смущают эти угрюмые лица Жозефа и Бетти... Твоя мать слепа, она ничего никогда не увидит, но, тем не менее, мне неловко входить к ней, и я доволен, когда не застаю ее. А Жакелин?

– О, Жакелин... ребенок.

– Который все видит и умеет показать нам это.

Мод подошла к Жюльену и протянула губы для поцелуя.

– Я тебя люблю... Разве этого не достаточно... Неужели, тебе необходим мещанский комфорт в любви? Взгляни на меня: неужели не стоит немного пострадать ради того, чтобы обладать мной?

Жюльен проговорил печально:

– Ты никогда не принадлежала мне.

– Не говори так. Это неблагодарно с твоей стороны. Ты дурно любишь меня. Я отдала тебе все, что могла.

– Скажи только, что придешь еще, – проговорил он.

– Куда?

– На улицу Бом. Ко мне...

Она сделала нетерпеливое движение:

– Опять! Да я же сказала тебе, что за мной следят. Эта противная Учелли, от которой ты отказался... Она ненавидит меня за то, что ты любишь меня... Я уверена, она выслеживает меня со своей итальянкой. Ты смеешься? Но, ведь, тебе известно, что я не девчонка и из-за пустяков не стала бы беспокоиться. Оба раза, что я была у тебя, она знала или, по крайней мере, догадывалась.

– Я сменю квартиру.

– Нет, не стоит; положишься на меня, дай устроить так, чтобы нам можно было чаще и удобнее видеться, а пока нужна пауза. Сейчас я, больше чем когда-либо, должна быть осторожна.

Жюльен с удивлением спросил:

– Почему больше чем когда-либо?... Разве что-нибудь назревает?

– Может быть, – проговорила Мод.

Молодой человек побледнел и с минуту молчал; потом сказал, стараясь казаться спокойным:

– Можете вы... сказать мне... в чем дело?

– Да, – медленно отвечала Мод, смотря на него в упор. – И расскажу вам все, если вы будете тем, каким я имею право желать, чтобы вы были.

Жюльен в знак согласия кивнул головой. И оба, по-видимому, совершенно легко приняли тон и манеры светских, равнодушных друг к другу людей. Мод продолжала:

– Хорошо, вот в чем дело, я скажу вам в двух словах. Полгода назад (видите, как давно), на водах в Сент-Аманде мы познакомились с мадам де Шантель, приехавшей туда из провинции лечиться. С ней была 15-летняя дочка, довольно хорошенькая, но совершенно ничтожная; а ее сын, Максим, приехал к матери за несколько дней до окончания лечебного курса.

Тут она остановилась и прислушалась.

– Кажется, звонят?..

– Да, – сказал Сюберсо. – Я тоже слышал. Вот отворяют дверь... Неужели уже гости?

– Нет, это ко мне одна молодая девушка... Да вы должны ее знать... это Дюруа... Этьеннет Дюруа...

– Дочь Матильды Дюруа?

– И сестра Сюзанны, вашей прежней пассии.

– Уж и пассии!..

– Нет?... а говорят, вы были первым у неё.

– Разве с этими девицами можно знать, кто у них первый и кто последний, – раздраженно возразил Жюльен. – Впрочем, это все равно. Но, если позволите, лучше мне не встречаться с сестрой. К чему она вам?

– Она воспитывалась со мной в монастыре, и я слышала, что она совершенно достойно живет с матерью. Но я не знаю, что ей от меня надо. Мы были хорошими подругами с ней, и я рада ее видеть...

В дверях показалась кислая физиономия Жозефа.

– Пришла та мадемуазель, – доложил он.

– Я ухожу, – сказал Сюберсо.

– Пройдите через большой зал. До вечера, договорились? Приходите в половине шестого. Мама выйдет... Проводите мадемуазель прямо сюда, через галерею, – сказала она слуге.

Провожая до двери большого зала поникшего головой Жюльена, Мод сказала ему еще раз:

– Приходите... он будет... Я хочу, чтоб вы пришли. – А когда он переступил порог комнаты, она тихо шепнула ему:

– Я люблю тебя!

Глава 2

Гостью провели в маленький салон; это была миниатюрная блондинка, немного полная, с серыми глазами и мелкими чертами лица. Она пугливо, подобно пойманной перепелке, выглядывала из меха своей шубки, в своей шляпке из перьев.

Увидав приближающуюся к ней Мод, такую высокую, роскошную точно великосветская дама, она робко проговорила:

– Здравствуйте, мадемуазель... Я вас...

Но Мод перебила ее веселым поцелуем.

– «Мадемуазель»?.. «Вы»?.. Прошу оставить эти церемонии и говорить со мною по-пансионски.

Этьеннет, зардевшись от удовольствия, с восторгом обняла подругу.

– О, как мило с твоей стороны, что ты не забыла. А я-то стеснялась прийти, боясь, что ты дурно примешь меня.

– С чего бы это, великий Боже? – спросила Мод, усаживая подругу, и сама садясь рядом с ней.

– Да потому что... Боже мой... от монастыря осталось одно воспоминание... Прошло уже более четырех лет. Для многих этого достаточно, чтобы забыть, – и потом прибавила, понизив голос, – я думала, что, зная мое положение...

Мод рассмеялась.

– Неужели ты думаешь, что я в монастыре не знала этого «положения», как ты выражаешься?

– Как!? ты знала? Тебе передавали?... Но от кого же ты слышала?

– Ну... От Тессье, например... Старший, Поль, который с прошлого года сенатором, был близок с этим депутатом Оды, с мистером... как его?

– Мистером Аскеном? – подсказала гостя и прибавила на утвердительный знак Мод, немного покраснев, но без замешательства, – это был мой отец. Он умер два года тому назад...

– О! твой отец? Этого я не знала. Слышала только, что он бывал у твоей матери с обоими Тессье и Сюберсо.

– Мистер Сюберсо был секретарем моего отца. Он...

Она остановилась, опять сконфузившись, как в начале визита, Мод взяла ее за руку:

– Полно, Тьенет, не стесняйся. Говорю тебе, что я все знаю, все... Знаю и историю Жюльена с твоей сестрой Сюзанной.

– Я была уверена в этом, – сказала девушка, отирая глаза, – весь Париж знает об этом... Сестра моя такая сумасшедшая, так компрометировала себя с Сюберсо, а после него и с другими... Но Жюльен все-таки нехорошо поступил с нами. Отец очень любил его, мама принимала как родного; ему не следовало трогать Сюзанну. А после разрыва с ней, представь, он даже и не показался у нас. А между тем, он знает, что мама больна. Одним словом, я его не люблю.

Мадемуазель де Рувр сказала серьезно:

– Не говори дурно о нем, Тьенет, Жюльен наш друг.

Этьеннет порывисто и нежно обняла подругу и почти умоляющим тоном проговорила:

– О! прости меня, я не знала... Он твой друг? Вот видишь, в первый раз, только я пришла, уже доставляю тебе неприятность... Ты не сердишься на меня?

– Нет, не сержусь, – отвечала Мод, целуя ее в лоб. – Скажи теперь, чем я могу тебе помочь? Вероятно, ты ждешь какой-нибудь помощи от меня?

Та покраснела.

– Да... Верно, ты очень нужна мне, если я решилась прийти к тебе... Я так много вытерпела в своей жизни, благодаря маме и Сюзанне, но ты такая добрая, и я благодарю тебя. Вот

в чем дело. Я хотя и молода, но уже успела убедиться, как это ужасно быть в зависимости от мужчины. Ты понимаешь, конечно, что в среде, где я жила, за мной ухаживали.

– Еще бы! Ты и была хорошенькая, а теперь совсем прелесть.

Подруга улыбнулась в знак благодарности, хотя и видно было, что к комплиментам она была равнодушна.

– Между нами, – сказала она, – один господин, которого ты знаешь (только об этом надо молчать, я одной тебе говорю), господин Тессье...

– Гектор?!

– Нет, брат его... сенатор, помощник управляющего Французским банком; он часто бывал у нас еще при отце и любил меня, как маленькую девочку... Теперь, кажется, я ему нравлюсь ... иначе...

– Так пусть женится, – решила Мод.

Этьеннет грустно улыбнулась:

– О! Что ты! Это невозможно!

– Из-за его богатства?

– Нет. Я думаю, что моя бедность не остановила бы его. Но, знаешь, все остальное... Не будем говорить об этом, ты понимаешь, мне тяжело. Поль Ле Тессье, в самом деле, не может быть братом Сюзанны Дюруа.

«И зятем Матильды Дюруа, – подумала Мод. – Она права».

– Бедняжка! – произнесла она вслух.

– Итак, мне остается, – продолжала Этьеннет тем же покорным тоном, – сделаться его любовницей, так как из всех, кто за мной ухаживал, я все-таки более других люблю его, потому что он добрый... Немного эгоист, это правда, но ведь мужчины все такие. А этот страдает за тех, кого любит, а это уже много значит. Только... может быть, покажется глупым то, что я хочу сказать... я не могу решиться сделать этот шаг. Темперамент ли у меня от природы такой, или эта порядочность привилась ко мне вследствие отвращения, которое я получила ко всему виденному в жизни, – не знаю... Я не осуждаю никого и совсем не уверена, чем закончу сама, ведь так трудно остаться честной в той обстановке, где я жила. Но все-таки я хочу попробовать жить независимо, иметь комнату для себя одной... свою кровать, свои средства.

Она остановилась на минуту, смотря вопросительно на Мод, как бы ожидая ее одобрения.

– Продолжай, – сказала та, – ты говоришь очень любопытные вещи.

– Так вот, – продолжала Этьеннет, – ты знаешь, я после монастыря была в консерватории, получила вторую награду за пение и первую за фортепиано. Уроки на фортепиано иметь трудно и не выгодно, так я выучилась еще играть и на гитаре; это у меня идет довольно хорошо, наверно не хуже, чем у любого гитариста в Париже. Голос у меня небольшой, но верный и приятный для слуха. Я составила себе репертуар из песен тридцатых годов, теперь это в моде и вероятно публике понравится.

– Конечно, понравится! – воскликнула Мод, восхитившись артистической стороной дела... – Такая хорошенькая... с такими красивыми волосами... У тебя должен быть чудный голос. Надо одеть тебя по картине Тони Иоганно, шиньон по-английски, сахарной головой, широкие рукава, криолин, будешь петь песни Пюже, аккомпанируя себе на гитаре... Все будут у твоих ног!

Этьеннет громко рассмеялась:

– О! Это совсем не так легко. Нужны связи, надо, чтобы светские люди пустили тебя в ход... Правда, Тессье, то есть Поль уж позаботился об этом, он придумал устроить сельский праздник в Шамбле, их прелестном поместье, на Северной дороге. Но, знаешь, одни холостяки, это так неудобно, все это будет иметь вид простого кутежа...

– Боже мой, – воскликнула мадемуазель де Рувр со смехом, – что за страсть к порядочности!

– Надо, милая моя, в этих случаях все или ничего, так, по крайней мере, мне кажется. С детства я видела дома одних мужчин, а если женщин, то таких, которые не были бы для меня хорошей рекомендацией. Вот я и вспомнила о тебе... Ты богата... имеешь хорошие связи...

Мод поспешила перебить ее:

– Во-первых, я совсем не богата... Что же касается наших связей, действительно, у нас много знакомых, но все-таки это не то, чего бы я желала. Когда мы возвратились во Францию в восемьдесят четвертом году, у нас еще было состояние. Отец, принадлежавший к старинному дворянскому роду, мог бы ввести нас в высшее общество, но он предпочел растратить деньги в игорных домах и на дурных женщин. И мы до сих пор несем наказание, даже после развода и смерти его... У нас множество знакомых из разных кружков молодежи, катающейся ежедневно в Булонском парке, иностранных дам, знакомых по дачам и водам. Когда я выйду замуж, увидишь, все это переменится, я тебе ручаюсь. Мне, так же как и тебе, надоели все окружающие, и я выйду замуж не иначе, как за настоящего великосветского человека, с древним именем, с большим состоянием в родовых поместьях, с безупречной семьей и такими же связями... Но пока, за неимением лучшего, воспользуемся для тебя теми отношениями, какие у меня есть. Тут все богатые люди, которые любят повеселиться; они будут полезны тебе.

Все лицо Этьеннет просияло наивной детской радостью.

– О! благодарю тебя... – проговорила она, – какая ты добрая!

– Мы устроим что-нибудь, – продолжала Мод, – какой-нибудь большой вечер. Здесь это удобно. Наш холл очень вместителен, почти как салоны в «Континентале». Положись на меня, я подумаю. У тебя еще в монастыре был хорошенький голосок; теперь он, вероятно, совсем установился.

– Да, – отвечала Этьеннет, – довольно приятный... Если хочешь, могу продемонстрировать. Нет ли у тебя какого-нибудь старого романса?

Рояль стоял тут же. Девушки вместе начали перебирать ноты.

– Вот! – проговорила Этьеннет, – это новый, но я пою его.

Это был романс Сесиль Шаминад «Золотая цепь».

– Ты можешь аккомпанировать мне?

– Да, – ответила Мод.

Она села за рояль и предварительно взяла несколько аккордов, а Этьеннет, опершись рукой о рояль и склонившись над нотами, запела:

«Le cher anneau d'argent que vous m'avez donne
Garde en son cercle etroit vots promesses encloses...»

Голос ее был не сильный, но необыкновенно чистый, и звенел, как хрусталь, по которому водят смычком; артистический вкус управлял этим голосом и умел выставить его с выгодной стороны, что доказывало солидное музыкальное образование и большую опытность певицы.

Когда она окончила второй куплет, за молодыми девушками раздались аплодисменты; сильный женский голос воскликнул с итальянским акцентом:

– Brava! Brava! Отлично! Великолепно!

– Ах, мадам Учелли, – сказала Мод.

Лицо вошедшей полной итальянки с черными глазами плохо гармонировало с окрашенными в белокурый цвет рыжими волосами. Мадам Учелли обняла мадемуазель Рувр и крепко поцеловала ее в шею. Новая гостья была не одна: ее сопровождала молодая девушка или дама, худощавая брюнетка, довольно некрасивая.

– Мадемуазель Сесиль Амбр, приятельница герцогини и моя... не правда ли? – прибавила она, дружески потрепав по щеке молодую девушку. – Она приехала ненадолго в Париж,

ко мне. Я позволила себе привезти ее к вам. Она прелестно поет песни *fin de siècle*. Ее так любит герцогиня и ее свита, живущая теперь в Специи.

Мод протянула девушке руку:

– Очень рада, мадемуазель.

– А вы, красавица моя, – продолжала мадам Учелли, – открыли настоящую артистку... Да, – обратилась она к Этьеннет, прятанной лицом в перья своей муфты, – у вас чистейший сопрано, голос наших итальянских кастратов в старые времена. *E quanto è carina!* И как мила! Не правда ли, Сесиль? Совсем *angiolino* из Сиенны.

Мадемуазель Амбр ответила просто:

– Да, *madame*. Очень хороша и прекрасно поет.

Мод познакомила их.

– Мадемуазель Этьеннет Дюруа, – моя пансионская подруга.

– Вы на сцене, мадемуазель?

– Нет еще, мадам.

– Мы выдвинем ее, не так ли? – спросила Мод. – Она замечательно аккомпанирует себе на гитаре.

– О! *saia!* На гитаре? Я так люблю этот инструмент. Надо скорее устроить концерт, большой концерт. Я буду петь... и вы также Сесиль. Когда мы устроим концерт, Мод?

– Мы только что об этом говорили, – улыбаясь, отвечала Мод. – В марте или апреле. И мы в первый раз откроем большой холл, знаете? Тот, подвижной холл...

– Конечно, знаю. Восхитительный холл, Сесиль, чуть не половина *Scala* по величине... Он поднимается посредством подземной машины. Это огромное помещение, великолепное, посмотрите, Сесиль. *E come è ben accommodato!.. Gosto ingiese...*

И они принялись говорить по-итальянски; мадам Учелли с видом знатока указывала своей спутнице на прекрасное убранство дома, а Мод тем временем говорила вполголоса с Этьеннет:

– Я ненавижу ее, она просто отвратительна мне из-за Жюльена, который вынужден был наконец послать подальше ее от себя. Да, милая моя, это такой темперамент, сильный, мужской – ее душа имеет два пола, я ненавижу ее... она подкупает наших слуг, чтобы шпионить за мной; несколько раз я заставляла ее с Бетти или Жозефом, с которыми она шушукалась. Но пусть ее, если она, в самом деле, может петь на вечере, это непременно привлечет публику. Ты понравилась ей потому, что ты хорошенькая... Только не сходишь с ней близко: вы скоро поссоритесь.

– Ты прелесть! – воскликнула Этьеннет. – Благодарю тебя от души. Я ухожу совершенно счастливая. Как жаль, что я ничем не могу услужить тебе!

Гости ощупывали в это время шелковую материю на занавесках.

– Приходи почаще – сказала Мод – это самое приятное, что ты можешь мне сделать. У меня ведь никого нет, с кем бы я могла поговорить по душе, а иногда бывает так гадко, так тяжело. А может быть, – прибавила она, подумав, – и я попрошу у тебя... услугу. Скажи, не можешь ли ты иногда принять меня у себя... у твоей матери... дать иногда в мое распоряжение... хм... одну комнату?

– Да всю квартиру, если желаешь, милая моя. С тех пор как мама не встает по болезни со своего кресла, – у нее, знаешь, ревматизм сердца, – я полная хозяйка, весь дом на мне.

– Видишь, – продолжала Мод, стараясь пересилить волнение и говорить твердо, – мне в свою очередь придется принять там одного... знакомого тебе человека.

– Жюльена?

– Тебе это неприятно? Компрометирует тебя?

– О! разве меня можно скомпрометировать? – с грустью проговорила девушка. – Таких, как я, ничто не может скомпрометировать! Делай, что хочешь. Квартира в твоём распоряжении.

– Благодарю. Так рассчитывай на меня вполне. Итак, мы заключим маленький союзный договор? Ты увидишь, что я хороший союзник.

Они приблизились к мадам Учелли и мадемуазель Амбр.

– Извините меня, – сказала Мод. – Мадемуазель Дюруа уходит и дала мне одно поручение.

– Вы уже уходите? Предсказываю вам большой успех, – сказала мадам Учелли. – Собирайтесь ко мне, улица Лиссабон, 21, я принимаю по четвергам... вечером бывает музыка, по семейному, приходите свободно.

Этьеннет поблагодарила и поклонилась.

– А кстати, – спросила итальянка, – вы будете завтра на «Валькирии»?

Этьеннет отвечала:

– О, нет, мадам, я не могу иметь места на премьеры.

– О! да, вам и не надо брать места, вы, такая артистка и не будете, сага, и такая красавица... *She peccato*... – засуетилась итальянка, схватив девушку за руки, как старую знакомую. – Приходите в мою ложу... бенуар 15... будет мадемуазель Амбр, граф Рустоли... Кто еще? Может быть, господин Люк Летранж, хороший знакомый Рувр.

В это время лакей в белых перчатках впустил без доклада через двери большой залы очень изящного господина лет тридцати пяти, белокурого, с красивым, но помятым лицом. Он подошел, улыбаясь.

– Я услышал мое имя. Что тут говорили обо мне?

Он поцеловал протянутые ему руки. Учелли воскликнула:

– А! Синьор Лучча! Вот интересно, мы только что говорили о вас, а вы тут как тут явились, точно привидение.

Этьеннет простилась и ушла. Когда Мод проводила подругу и вернулась к гостям, все устроились около камина.

Камин был из белого мрамора новогреческого стиля; единственным украшением на нем была статуэтка Танагра, изображавшая весталку с курительницей в руках, и две высокие вазы с орхидеями. В очаге медленным огнем горело полено, почти совсем уже обуглившееся.

Вскоре дверь снова открылась, и вошла новая посетительница, пожилая дама с двумя молодыми девушками, одинаково одетыми, довольно красивыми, но анемичными. Их звали Мартой и Мадлен. Мадлен была живее, веселее, Марта была молчалива, немного рассеянна, глаза ее блуждали, румянец быстро появлялся. Вместе с тем, сестры были похожи между собою. Мод представила им:

– Мистер Люк Летранж, директор кабинета министра внутренних дел; мадам де Реверсье, мадемуазель де Реверсье... Впрочем, вы, кажется, знакомы?

– Разве в Париже существует хотя бы одна девица, которую бы не знал господин Летранж? – сказала, смеясь мадам Учелли.

– Нет, – ответил тот вполголоса. – Я знаком только с некоторыми специалистами.

– Как здоровье вашей милой маман? – спросила, усаживаясь, мадам Реверсье.

– Она не совсем здорова... Раньше пяти часов, вероятно, не выйдет.

– А Жакелин?

– Она на своих литературных курсах. Но теперь уже половина пятого, она сейчас придет. Вы ее увидите.

Мадам Учелли, разговаривая с Летранжом, перебила:

– Что это за курсы, Мод? Это на улице Сен-Оноре, где молодой человек тридцати лет преподает девушкам нравственность?

– И мужчинам также, – поправила Мод, – эти курсы для обоого пола.

– Вместе с мужчинами?

– Вместе. Это курс смешанный.

– Вот это интересно! – сказал Летранж, – надо мне тоже взять там несколько уроков нравственности.

– Вас не примут туда, вы пользуетесь слишком дурной репутацией в семейных домах, компрометируете девиц.

– Да нет же, напротив, это они меня компрометируют.

Мод переменила разговор:

– Кто едет завтра на «Валькирии»?

– У меня есть местечко, – сказал Летранж.

Мадам Реверсье объявила:

– Нам предложили места, но мне кажется, что моим дочерям неприлично слушать «Валькирии».

Все заспорили, мадам де Реверсье находила второй акт крайне неприличным, мадам Учелли громко протестовала именем искусства. Мадлен и Марта также приняли участие в споре, высказав каждая свое мнение.

– Но – возразил Летранж, обратившись к Мадлен, – как видно, вы прекрасно знаете либретто, так почему же вы находите неприличным видеть ее на сцене? В чем же неприличие?

– Неприличие в том, что это будет публично, милый мой, и другие «увидят, что мы ее слушаем». Ведь, не посмеете вы сказать громко тот вздор, какой говорите отдельно каждой из нас, мне, сестре, Жакелин? Отвечайте, правда? Что вы так смотрите на меня?

– Я смотрю на ваши губки – ответил Летранж, – и думаю о гораздо больших глупостях, чем те, которые я вам говорил.

Мадлен усмехнулась:

– Ну, так подождите немножко говорить о них, пока еще мало собралось. Мама слушает; вы знаете, она не особенно доверяет вам.

– О! ваша маман очень рассудительна. Однако, вот и гости.

– Нет, это пока только чай.

Вошел лакей, неся на подносе чайник, чашки, пирожки. За ним шла Жакелин Рувр: ее все радостно приветствовали. Дамы целовали; она пожала руку Летранжу. Это была совсем миниатюрная девушка, рыженькая и полноватая, совершенная противоположность Мод, и портрет матери, но деликатнее, развязнее, более парижанка, чем та; кожа у нее была атласная, глаза серо-зеленые, всегда наполовину прикрытые веками, подернутыми как бы сладкой истомой; формы весьма развитые, при этом напускные ребяческие манеры, болтовня и короткое платье как у девочки, каждую минуту обнаруживающее икры: одним словом, существо эксцентричное и беспокойное, созданное для возбуждения преступных мыслей в мужчинах.

Когда она уселась между Летранжем и мадемуазель де Реверсье, последняя сказала ей смеясь:

– Тут говорили о ваших курсах нравственности, Жакелин. О каком предмете рассказывал сегодня ваш молодой профессор?

Жакелин опустила глазки и отвечала, разыгрывая невинность:

– О любви в супружестве, мадам.

– Вот прекрасная тема; что же он говорил о ней?

– Хотите, я передам его речь слово в слово?

Она встала со своего места, вскочила на стул с легкостью птички и начала, делая серьезное лицо и подражая мужскому голосу:

– Супружеская любовь, дамы и господа, состоит из двух элементов, так тесно связанных между собою, как кислород и водород в воде... Элементы эти – нежность и (для большего

эффекта он делает здесь паузу)... чувственность. Вы все знаете, что такое нежность. Родительский очаг, когда матери ваши укачивали вас на своих руках (и т. д., большая тирада, пропускаю ее). Остается чувственность.

– Жакелин, – перебила ее Мод, – ты опять несешь глупости!

– Вовсе нет! Меня посылают на курсы, и я извлекаю из них пользу. Итак, продолжаю: «Чувственность – самый трудный для определения предмет, дамы и господа, особенно при подобной аудитории. Ограничимся объяснением, что она заключает в себе влечение к красоте, к форме». На этом кто-то прервал его: «А как же слепые?» Молодой профессор сделал вид, что не слышит. Жюльетта Аврезак, моя соседка, шепнула мне на ухо: «У них очень развито осязание».

Все рассмеялись, не исключая молодых Реверсье и их матери, которая, по-видимому, забыла строгие принципы, только что проповеданные ею. Мадам Учелли не могла удержаться, чтоб не поцеловать Жакелин:

– E un fiore... però un fiore!

Мод сделалась опять серьезна:

– Довольно глупостей, Жакелин. Лучше разливай чай, Мадлен и Марта помогут тебе.

Три молодые девушки принялись за дело. Обе шатенки и рыженькая Жакелин грациозно нагнули свои головки над столом, приготавливая чай отдельно, в каждой чашке с фарфоровым ситечком, по новой в Париже моде. Все были в восторге.

– Это вы, Мод, изобрели такой способ заварки чая?

– Нет... наш друг Аарон привез мне этот сервиз из Лондона. Он постоянно делает нам подарки.

– Счастливая вы, – сказала наивно мадам Реверсье. – А вот флирт моих дочерей не дает нам ничего.

– А! – воскликнула весело Мод, – вот они оба... Это очень мило...

Радостно встреченные гости оказались двумя мужчинами, один молодой, другой с сединами. Мадам Учелли, подавая им руки, повторила:

– Сразу оба! в день заседания в сенате!.. А! Мистер Поль Тессье, ко мне вы не так часто заходите... Рессато! всему виновница эта очаровательница Мод!

– Мы надеялись, *chere madame*, встретить вас здесь, – возразил Поль, – Я, впрочем, совершенно случайно освободился. Наш коллега Бриар умер этой ночью; так как правительство не было готово к моей интерпелляции, то заседание отменили.

Он говорил сильным, ровным голосом, спокойно глядя на свою собеседницу. От всей его сильной фигуры, немного полной, от свежего лица, широкой белокурой бороды с просвечивающей сединой, от спокойных светло-голубых глаз веяло беспечностью и довольством.

Брат его походил на него, несмотря на отсутствие бороды, густые жесткие волосы, на то, что он был тоньше и подвижнее, но такой же широкоплечий, только легче, благодаря постоянным упражнениям в спорте и деятельной жизни. Еще в темных глазах его было что-то насмешливое скептическое.

– А Гектор, – сказала мадам Реверсье, – постоянный посетитель вторников у Рувров.

– Да, – подхватила Жакелина. – Он любит молодых девушек и знает, что здесь можно найти не глупых.

– Есть одна, даже слишком умная, – возразил Гектор вполголоса, подходя к Жакелин.

Летранж завел в дальний угол сестер Реверсье, и они хохотали несколько нервным смехом над тем, что он им нашепывал. Мадам Учелли поднялась.

– Положительно, *сaga*, я уже не надеюсь увидеть мадам Рувр.

– Подождите, *chere madame*, – сказала Мод. – Она сейчас выйдет, она была бы очень недовольна.

Но итальянке еще предстояли визиты. Мод, отчасти довольная, что она уезжает раньше появления Шантелей, не стала удерживать ее.

– Что это за безмолвная особа, которую она водит за собой? – спросил Поль Ле Тессье по уходу дам.

– Это приезжая из Ниццы, – отвечала Мод, – фрейлина герцогини де Спецциа.

– Прекрасная рекомендация!

Общество еще теснее сгруппировалось около камина, все чувствовали себя свободнее. Но разговоры втихомолку продолжались. Реверсье говорила Полю об одном благотворительном деле, которым она хотела заинтересовать правительство; Жакелин кокетничала с Летранжем, чтобы отбить его у маленьких Реверсье. Ректор вполголоса разговаривал с Мод.

– К чему это чрезвычайное собрание у вас сегодня? – спрашивал он.

– Мы ожидаем первого визита людей, с которыми я хочу завязать отношения. И мне хотелось, чтобы вы при этом случае украсили наш салон, вот и все.

– Боже! Как мне это лестно! Но кого мы сегодня ожидаем?

Мод улыбнулась. Гектор посмеивался:

– Мужа?

Она не ответила на этот вопрос, а после минутного колебания, сказала:

– Друг ли вы мне, Гектор?

Молодого человека тронул серьезный тон вопроса.

– Без сомнения, милый друг... – ответил он, – мой брат был скорее другом вашего отца, а я ведь знал вас ещё совсем маленькой...

Но заметив, что расчувствовался от этого воспоминания о прошедшем, он тотчас же овладел собою и свел разговор к шутке:

– Ведь, вы хорошо знаете, что я чувствовал к вам слабость, когда вам не было еще пятнадцати лет.

– Не смейтесь, пожалуйста, милый, – возразила Мод. – Вы никогда не имели слабости ко мне, но я не сержусь за это... Впрочем, я не считаю вас способным сделать мне зло.

Он запротестовал жестом.

– Хорошо, я уверена в этом. Так помните, что вы, может быть, понадобится мне...

Взрыв хохота прервал ее слова. Компания слушала Жакелин, которая говорила:

– ...Нет, поверьте мне, он не ко всем клиентам одинаково относится... Со старыми дамами, называющими его «мистер le docteur Krauss», он употребляет душ меланхолический, по обязанности, смотря в сторону: вода попадает куда придется... С хорошенькими женщинами средних лет шутит, говорит глупости, забавляется, заставляя их вскрикивать, щекочет их струей, пугает. А для молодых девушек у него душ нежный, скромный. Он едва прикасается струей, никогда не позволит себе ни одного лишнего слова, никакой неделикатности; говорит о музыке, о литературе, о балах... тогда как перед ним стоит совсем раздетая; это так смешно... Она вдруг остановилась:

– Тише!... звонят... это те, нужные...

И прежде чем отворилась дверь, она уже сидела перед чайным столом, серьезная и приличная как пансионерка в присутствии надзирательницы.

Слуга объявил:

– Виконтесса де Шантель... мадемуазель де Шантель... мистер Максим де Шантель.

Обряд представления вновь пришедших прошел несколько натянуто, почти безмолвно. Жакелин шепнула на ухо Марте:

– Сколько же их там в провинции. И мамаша, и сынок, и дочка... Нет, ты только посмотри на них.

Конечно, появление Шантелей в этом модном салоне, между элегантных людей, пикантных женщин, одетых у Дусе, в шляпах от Ребу, было довольно комично по своему контрасту.

Все трое Шантелей были в черном, по случаю непрерывного в провинция траура по разным родственникам; и траур этот дурного фасона делал грубее, меньше обеих женщин, старил Максима отсталым покроем сюртука из гладкого черного сукна, узким черным галстуком под отложным воротником.

– Все-таки, – отвечала Марта Жакелин, – все они хорошей породы.

И она была права. Несмотря на провинциальный туалет, они сохранили благородный вид, – вид людей, принадлежащих к чистокровной земельной аристократии, не имеющих в своем родстве никаких разночинцев. Мадемуазель Шантель, худощавая, маленького роста, лицом походила на монахиню; шляпа почти совершенно закрывала ее волосы с проседью, но черные глаза неожиданно озарялись доброй улыбкой, взгляд ее был в одно время и скромный и страстный, как и у дочери, которая была похожа на нее. У Жанны были такие же густые волосы, черные и блестящие, как стеклярус на ее корсаже; она была выше и полнее матери, краснела при всяком обращенном к ней слове, конфузилась. Максим, в своем провинциальном сюртуке, панталонах от прадеда, худой и сильный, с задумчивым взглядом, страстными, как у матери и сестры глазами, представлял тип провинциального благородного офицера, одетого в штатское.

– Поди, скажи маме, что они приехали, – шепнула Мод сестре. – Пусть она наденет черное гренадиновое платье. Смотри, не желтое, и не зеленое. И непременно корсет.

– Хорошо. Если надо, я сама затяну ее, – ответила девушка, убегая.

С прибытием Шантелей разговор в салоне не вязался, Мод сидела около мадам Шантель, и они говорили друг другу обычные любезности, немного стесняясь друг друга. Жанна, сидевшая около матери, не двигалась, опустив глаза. Максим, очень бледный, сидя напротив Мод, между мадемуазель Реверсье и Гектором Тессье, по старой привычке, нервно кусал коротенькие усы. Напрасно старался он смотреть на мебель салона, на обстановку дома, глаза его невольно снова обращались к Мод, к одной только Мод, к той Мод, которая небрежно подала ему руку и не замечала его больше, а он не мог не видеть, как она хороша, как красота ее еще больше расцвела в этой рамке, которую она сама устроила для себя; он нашел в ней такую перемену, что теперь удивлялся, как он мог, в глуши маленького приморского городка, мечтать о ней и допустить, чтобы воспоминание так запало в его сердце, созрело и превратилось в любовь.

Гектор Тессье, наблюдая за новым гостем, изучал его. Как истый парижанин, знакомый наглядно с нравами общества, в котором вращался, он угадал любовную интригу, завязывавшуюся здесь, в этом салоне, около этого камина и самовара, и в качестве дилетанта разбирал шансы к развитию ее в комедию или драму... «Рувры ничего не имеют, прикрываются внешним блеском... Мод тяготится привычным обществом и хочет утвердиться в свете посредством выгодного брака... Провинциал, кажется, влюбился по уши и готов сделать решительный шаг... Так... А Сюберсо? Он ведь влюблен, и она тоже; сама их манера любить делает их симпатичными, несмотря на их бурный темперамент... Прекрасный сюжет для пьесы! Хорошо, что я тут только посторонний зритель!» – И он радовался данному Мод обещанию не мешать ей: «равнодушный зритель... и слава Богу!» – подумал он.

Максим, между тем, совершенно забылся и уже не мог оторвать глаз от Мод, которая почти и не взглянула на него.

«Странно – думал Гектор. – Лицо его мне знакомо».

В это время появилась мадам де Рувр. Она была в черном гренадиновом платье и казалась моложе, красивее. А на груди в вырезе корсета все-таки блестела стразовая эгретка.

– Зачем ты позволила ей надеть это? – сказала потихоньку Мод, обращаясь к Жакелин, вошедшей с матерью.

– Ах, – ответила та, – я попыталась помешать, да разве это легко?

Увидав хозяйку дома, мадам Шантель поднялась с места и с искренней радостью пошла ей навстречу; они расцеловались и начали разговаривать, конечно, о своих немощах, как будто они совсем и не расставались.

– Душа моя, как ваше здоровье? Что у вас болит?

– Увы! опять повторяется, милая моя. Сегодня я весь день пролежала. А вы? Как ваше плечо?

– Гораздо, гораздо лучше. Представьте, я напала на пилюли доктора Левер...

И они уселись в угол, обе зашепили говорить, не слушая одна другую, каждая о своей болезни.

Гектор подошел к Мод:

– Как их имя? Я не расслышал.

– Шантель. Виконтесса де Шантель.

– Значит так. Я знал Максима Шантель.

Мод с живостью спросила:

– Правда? И где же?

– В полку, восемь лет тому назад. Он был подпоручиком в Шалоне, когда я служил волонтером в драгунах.

– Правда, он был в Сент-Кире и потом ещё служил три года... вышел в отставку после смерти отца, чтобы заняться хозяйством в своих огромных поместьях в Пуату. Он не узнал вас?

– Нет, но это очень понятно. Я, ведь, был не особенно важный драгун. Да и теперь он, кажется, не в состоянии кого бы то ни было узнать. Напомнить мне ему о себе?

Мод подумала минуту и спросила:

– Вы не забыли вашего обещания?

– Нет... Но не могу ли я служить вам чем-нибудь?

– Да, можете. Напомните ему, где вы его видели. Надо его немного приручить, он, совсем здесь дикарь!

– В настоящую минуту, – улыбнулся Гектор, – я думаю, он охотно посадил бы меня под арест на 15 суток. Взгляните!

Действительно, Максим с искаженным лицом следил за дружеским разговором Гектора и Мод.

– Я успокою его, – сказал Гектор.

Он воспользовался смятением, наступившим при появлении художника Вальбеля, высокого, краснощекого господина с проседью, и подошел к Максиму.

– Господин, позвольте мне напомнить вам о нашем давнишнем знакомстве. Я служил под вашим начальством в Шалоне; Гектор Ле Тессье.

От Максима ускользнула легкая ирония, с которой Гектор произнес свою, по-видимому, почтительную фразу. Лицо Максима просветлело, он пожал руку Гектора.

– А, мистер, я очень рад... я помню отлично... Тессье... в восемьдесят пятом, не так ли?

– В восемьдесят третьем, – поправил Гектор.

– Восемьдесят третий... Вы из «Deux Sevres»?

– Да, из Партенэ. По вашей отличной памяти я припоминаю, каким вы были прекрасным офицером.

– Я очень любил свое дело, – сказал Максим с оттенком грусти.

В это время подошел Поль Тессье, потом мадам Шантель и Рувр, изумленные интимной беседой молодых людей. Всех удивил случай, который свел их через десять лет.

– Случай не особенно романический, – заметил Поль, – мистер Шантель был три года офицером и знал около двух тысяч рекрут и, вероятно, встречал их с тех пор более тысячи.

– О, несносный математик! – сказала мадам Рувр. – Все цифры, все доказательства, что все случившееся – должно было случиться. А я называю эту встречу необыкновенной, из нее видно, что эти молодые люди должны стать друзьями.

– Верю вашему предсказанию, – решил Гектор. – И если мистер Шантель пробудет еще какое-то время в Париже, надеюсь, что он воспользуется услугами таких старых парижан, как я и мой брат, хотя мы и родились в Партенэ. Прежде всего, сделайте нам удовольствие отобедать с нами завтра в ресторане.

Максим обещал; они продолжали разговаривать уже по-товарищески, оба, вспоминая прошедшее, переживали невозвратное прошлое, о котором, достигнув тридцати лет, приходилось уже сожалеть. Тем временем, появились новые гости: мадемуазель Дюклерк, жена модного художника-пастелиста, который никогда не показывался вместе с ней; она представляла собою гризетку, придавая себе пикантность девической прической «à la Boticelli»; за нею показался «дамский» романист Андре Эспьен, южный человек, с взъерошенными волосами, упрямый и болтливый; мадам Аврезак с дочерью Жюльетой, обе брюнетки, худенькие и хорошенькие, похожие больше на сестер; наконец, кузина Мод, Дора Кальвель, маленькая девушка, уроженка Кубы, с лицом цвета недозревшего лимона, с волосами синеватого отлива, она говорила, точно декламировала и бросала вокруг огненные взгляды. Она вошла одна; компаньонка осталась в прихожей.

Мод отвела Жакелин в сторону:

– Кажется, дело идет недурно!

– Да, но не следует допускать слишком большой дружбы между Шантелем и обоими Тессье... Ты знаешь, когда мужчины в союзе между собой, значит, они против нас.

– О! В Гекторе я уверена.

– А в Поле?

– Ты права. Но Поля я держу в своих руках.

Она сделала Полю знак подойти к ней.

– Прекрасный сенатор, – сказала она ему игриво, – вы пропустили у меня сегодня самую хорошенькую гостью.

Поль улыбнулся:

– Знаю. Это я и послал ее к вам.

– Что вы? Вот плутовка! Она мне и не сказала.

– Она боялась идти, а я уверил ее, что вы добрый, хороший товарищ... для тех, кто не стоит вам поперек вашей дороги, – прибавил он с улыбкой.

– А я обещала ей устроить у нас дебют и созвать весь Париж. Знаете, она прелестна и вы – счастливый сенатор.

– О! – возразил Поль, – я, как говорят в оперетках, могу быть только ее отцом.

– Который желал бы повышения, – проговорила Жакелин сквозь зубы. – Во всяком случае, сестра моя очень любезна с вашей дочерью, не правда ли?

– За это, – продолжала Мод, понизив голос, – я хочу вашего участия в одном проектируемом деле, успех которого очень важен для меня.

Поль указал взглядом на Максима.

– Он?

– Да. Гектор, мой – союзник. А вы?

– Я также, без сомнения... Тем более, что жалеть не придется этого солдата-хлебопашца. О, посмотрите!.. Аарон и Жюльен!..

Сюберсо, корректный и бесстрастный, входил в зал в сопровождении маленького кругленького человечка, с потным лицом, покрытым прыщами и походившего на франкфуртского ростовщика, несмотря на английский покрой платья, на блестящую шляпу и сапоги. Он был представлен торжественно:

– Барон Аарон, директор католической фактории.

Толстенький человечек раскланивался направо и налево, пожимал руки и изображал собой что-то вроде мячика, который бросали друг другу по ковру.

– Мадемуазель, – пробормотал он, подходя к Мод и доставая конвертик из бокового кармана, – вот ложка на завтрашнюю оперу...

– А! Мерси, – сказала просто девушка и положила билет на столик.

Общество разбрелось по обоим залам, разделилось на партии сообразно своим вкусам. Эспьен увлек мадам Аврезак в будуар Мод; их не было видно, но время от времени слышался взрыв мгновенно сдерживаемого смеха, тотчас заглушаемый шумным аккордом на фортепиано. Жюльета Аврезак подседа к Сюберсо и напевала ему вполголоса, как бы что-то выговаривая, что выражалось в ее резких, нервных движениях; а он слушал совершенно равнодушно, смотря на недавно подаренную Аароном картину Тернера на стене. За чайным столом Вальбель и Летранж потешались над Дорой Кальвель, к большому удовольствию Жакелин, Марты и Мадлен; и маленькая креолка, с несколько раскрасневшимися желто-лимонными щечками, ворковала как голубь, весело отвечая между смехом обоим мужчинам:

– Дикарку! Мистер Вальбель!.. вы хотите, чтоб я позировала для дикарки... Нет, благодарю... Вы очень деликатны, нечего сказать!

– Да нет же, поймите, наконец, – говорил Вальбель, – это ведь не обыкновенная дикарка, это Karahu... поэзия... любовь... одним словом, ваш тип.

– И костюм божественно пойдет к вам, – заметил Летранж.

– А какой костюм!.. О! вы смеетесь надо мной, потому что считаете меня глупенькой... Я уверена, что костюма вовсе нет.

– Да неправда же, есть листья... много пальмовых листьев... Это очень прилично, их надевают, сколько хотят.

– Конечно, – сказала Жакелин, – я непременно позировала бы для мистера Вальбеля, если бы у меня был тип.

А на ухо Марте она шептала:

– Ты увидишь, Дора согласится. Она бесподобна.

Дора, подумав, сказала:

– Маман никогда не позволит.

– О! – заметил Летранж, – к чему же говорить ей... Вас будет провожать в мастерскую эта милая мадемуазель Софи.

Это была компаньонка Доры, известная в обществе некоторых парижских кутил своей кротостью и безмолвием. Ее усаживали на стул в прихожей, она немедленно засыпала и вставала с места только, когда ее будили.

Маленькая Кальвель обдумывала. Наконец выговорила фразу, от которой все ее подруги разразились безудержным смехом:

– Ну, хорошо! я согласна... Только дайте мне слово, что лица моего не будет видно.

Максим, оставшись один, после того как он представил Гектора своей сестре, смотрел по сторонам, слушал и спрашивал себя: «Не сон ли это? Не из другого ли какого мира я пришел сюда? Неужели, это нравы и язык новейшего времени! Эти разговоры точно в пивной, которые, вероятно, еще уступают тем, которые ведутся вполголоса... Эти темы, которые даже не стараются скрывать... И это отвратительное слово, которое беспрестанно раздается, как поощрение к свободным разговорам; „Мой флирт...“ Она делала „флирт...“ Мы делали „флирт...“ Это „флирт“ моей дочери... Так вот какие люди окружают Мод... Вот что она видит... слышит... Что же...»

Мод еще ни слова не перекинулась с ним. В эту минуту она взглянула на него, заметила, что он слышит вольную болтовню Летранжа и Вальбеля, окруженных вольными пташками, поняла, что он неприятно изумлен этим, и прямо подошла к нему.

– О чем вы задумались, Шантель? – спросила она, пристально смотря на него.

– Я думаю, – серьезно ответил Максим, – что мне никогда не следовало бы выезжать из моего захолустья Везери, так как я такой провинциал и землепашец.

Помимо его воли в словах этих звучала вся горечь, которую он испытывал, сравнивая себя на глазах любимой женщины с этими изящными, блестящими светскими болтунами, как Летранж, Ле Тессье или Сюберсо.

– Так вы хотите возвратиться в Везери? – с расстановкой спросила Мод.

– Да, я сопровождал матушку в Париж, потому что она не умеет путешествовать одна. Она останется здесь, сколько предпишет ей доктор Левер. Я же здесь совсем не нужен, потому вернусь в Везери и приеду только за ней. Париж слишком велик для меня; даже когда я нахожусь в нем, как теперь, например, мне кажется, будто меня здесь нет. Моя родная страна с ее простыми берегами, долины с их таинственной волшебной далью, ближе моему простому сердцу.

– А! – вздохнула Мод, опустив глаза.

Максим продолжал, постепенно вдохновляясь звуком собственного голоса:

– Эти уединенные места сделали меня таким, каков я есть, похожим на них... У меня сердце бьется в унисон с сердцами моих пастухов, от зари до зари живущих в созерцании природы, чувства мои скромны, но так глубоки, что раз запав в душу, держат ее в оцепенении очарования, одного напоминания о них достаточно, чтобы наполнить несколько месяцев моей жизни... Здесь, в Париже, чувствуют быстро и мало; слово также быстро и кратко, как чувство; я же говорю медленно, потому что скоро выразить было бы трудно такие глубокие чувства... Извините, я сам не знаю, к чему говорю вам это.

– Напротив, говорите, – сказала Мод. – Ничто из того, что там говорится, (она указала на Сюберсо, Жакелин и Тессье), не могло бы так заинтересовать меня.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы так говорите... Видите, я даже не умею достаточно владеть собой, чтобы скрывать свое волнение! И так все, что напоминает мне что-нибудь приятное из моего прошлого, слишком волнует меня. Присутствие мое здесь после долгих, долгих месяцев... так живо напоминает мне четыре дня, проведенные в Сент-Аманде.

Мод перебила его:

– Я тоже не забыла их.

Они замолчали. Но взглянув на Шантеля, она испугалась пламени, которым горели его глаза.

«На сегодня довольно романа», – подумала она. И, предвидя страстные слова, готовые сорваться с его уст, она оборвала разговор, сказав громко, чтобы все слышали:

– Так решено, завтра в опере вы будете в нашей ложе? И Жанна, конечно, придет, да? Где же она, наша Жанетта? Нет, посмотрите, каково! Разговариваешь, начала осваиваться!

Жанна Шантель робко разговаривала с Гектором Тессье. Слова Мод сразу прервали только что начавшийся разговор, и девушка, вся красная, вернулась, как бы ища помощи, под крыло брата. Над ней немного посмеялись.

– Чем вы ее приручили? – спросил Максим, глядя рукою темные кудри сестры.

– Я говорил с ней о вас.

Гектор заинтересовался этим наивным существом, которое признал сразу совершенно отличным от мелочных созданий, прикрывающихся маской непорочности; он так много наблюдал их, но не из развращенности, а как любитель, для коллекции. Он осторожно, почти отечески выпытывал Жанну, говорил о ее брате, которого знал раньше, о Пуату, где они вместе жили; и девушка с доверием и искренностью, которые присущи всем робким людям, смотрела на него, как ребенок, который перестал бояться незнакомого. Она тихо, спокойно, непривычным к долгой беседе голосом, говорила о своем детстве, о девичестве, проводимом без веселья, без подруг, воспитанная матерью, обучаемая одним Максимом:

– О! милая моя! – сказал Максим, целуя ее в голову.

– Однако, – сказала, соскучившись этим Мод, – как же мы решили насчет завтрашнего вечера? У мистера Аарона и мистера де Сюберсо есть места, так же как у вас, господа, – прибавила она, обращаясь к братьям Тессье, – весь Париж ваш. Мадам де Шантель придет со своими дамами?

– Я буду обедать с вашими друзьями, мадемуазель, – отвечал Максим, недовольный, что Мод прекратила разговор несколько минут перед тем.

– Так что же! После обеда вы придете к нам, очень просто. Итак, решено, не правда ли?

Она смотрела на него мягко, и он согласился. Сюберсо притворялся, что не видит их, и показывал вид, что очень занят разговором с Полем.

Мадемуазель Шантель поднялась. Аарон поцеловал руку Мод. Было около семи часов, все начали прощаться.

Сюберсо подошел к Мод. Она сказала ему:

– Хорошо, я довольна вами. Можно простить ваше недавнее дурное расположение духа.

Вы вели себя благопристойно.

– Это он? – спросил презрительно молодой человек, указывая на Максима.

– Да.

– Совсем провинциал.

Мод сухо возразила:

– Это очень порядочный человек, милый мой, и он много лучше...

– Меня?

Мод ответила:

– Лучше нас всех... Теперь убирайтесь, – прибавила она, – не вздумайте показать, что вы желаете остаться дольше всех. До завтра.

Глава 3

– Нет, – решил Гектор Тессье, в конце обеда с братом и Максимом, в ресторане Жозефа, – общество, в котором мы встретились с вами вчера, любезный Шантель, совсем не составляет исключения; молодые девушки, которые так ломались вчера перед мужчинами, смеялись над их двусмысленными шутками и сами отвечали им в том же духе – при вас они еще сдерживались – не представляют собою какого-нибудь исключения. Это современное праздное общество, а девицы эти – продукт его. Если Дора Кальвель бесспорно слишком... провинциальна, то все остальные дают прекрасный образчик дочерей веселящегося Парижа, сами родители которых не строги и легкомысленны, катаются в Булонском парке, посещают балы, театры, ездят в Трувиль, лечатся гидротерапией, играют в теннис, в кегли, между ними вы найдете девушек всех слоев общества... от гризетки до потомка лучшей исторической фамилии. Госпожа Реверсье, жена храброго Берринсона, благородного происхождения, бывшего чиновника министерства просвещения; хорошее положение и состояние. Мистер Аврезак, когда был жив, держал большую химическую фабрику в Везине; его вдова очень богата. Вы, разумеется, знаете прекрасное происхождение семьи Рувр; Жакелин прекрасно воспитана... нет, это ни в коем случае не смешанное общество, не отщепенцы, не полусвет. Сомнительными между посетительницами мадам Рувр можно считать разве маленькую Дору, все-таки хорошего рода, да, пожалуй, Сесиль Амбр, которая так и просится в героини Бодлера; однако, ее принимают везде, как фрейлину какой-то итальянской герцогини. И эта, и множество других, которых вы увидите, такой же продукт беспутного Парижа, как этот коньяк – продукт шарентского белого вина... Я мало люблю и то и другое, – прибавил он, опоражнивая свой маленький стакан.

Поль Тессье, медленно и внимательно выбирая сигару, заметил:

– Ну, вот, Гектор сел на своего конька. Он неистощим, когда заговорит о молодых девушках.

Максим, вообще говоривший мало за обедом и не имевший привычки курить, ответил:

– Но это очень интересная тема.

Слова Гектора затронули больное место его сердца. После вчерашнего визита он ушел взволнованный и как бы околдованный. Мод, такая прекрасная с нежными словами, напommившими ему общность их воспоминаний, конечно, показалась ему безупречной, и именно такой, о какой он всегда мечтал. Но другие? Эти мяукающие кошки, имена и девические платья которых делали их поведение и разговоры еще более нестерпимыми? И между ними сестра, подруги Мод, только немного моложе её... И Мод слушает их, отвечает, может быть, разделяет их взгляды!.. При этой мысли в сердце честного солдата закипало страшное раздражение против этих людей, этого Парижа, который мог осквернить чистую душу его избранницы, которую он не переставал страстно любить с первого же дня их встречи своей сильной душой; разлука с Мод не только не уменьшила этой любви, но еще более разожгла, раздула его страсть. Потом он утешал себя мыслью, что Мод, может быть, оставалась непорочной в этом мире глупости, жила в нем, не понимая его, подобно сестре его Жанне, которую вчера нисколько не коробило все виденное, слышанное. О, ужасная тайна! Как проникнуть эту жестокую тайну?.. Как убедиться?.. Он слушал Гектора с мучительным желанием и страхом узнать истину.

Но Гектор очень осторожно избегал говорить о Мод; как светский, веселый человек, он говорил обо всем вообще, не затрагивая никого. Несколько раз старший брат вставлял какое-нибудь остроумное, ироническое замечание.

– Видите ли, – продолжал Гектор, – дело в том, что в Париже уже лет пятнадцать как произошли два события... два очень важных события, два «краха», сказал бы мой брат, которые ни малейшим образом не отозвались у вас, в вашем Везери, мой друг, решительно ничем не отозвались среди ваших полей, охотничьих собак и фазанов...

– А именно? – спросил Максим.

– Во-первых, крах целомудрия. С точки зрения любви нашу эпоху можно сравнить с итальянским упадком или возрождением. Наши молодые девушки (я все-таки говорю о принадлежащих к праздному, веселящемуся миру), хотя более и не прислуживают без костюма за столом современного Медичи и не имеют на своей шее каких-нибудь особенных знаков!., но в деле любви они не менее сведущи, нежели те же флорентийки и римлянки. Разве кто-нибудь стесняется говорить при них о последнем городском скандале? Каких пьес они не смотрят в театре? Каких романов не читали? Да еще разговоры, книги, театры – все это пустяки. Это только слова... В Париже есть особый тип специалистов-развратителей, – мужчины, подстрегающие целомудрие, – к этому разряду принадлежит Летранж, которого вы вчера видели. Первый урок девушка получает на первом балу; далее курс продолжается во время зимнего сезона, а летом совратитель едет куда-нибудь на воды или купанья, где свобода нравов маленьких курортов, смешанное общество, поэтическая обстановка, зелень, солнце, аромат цветов – все помогает ему и к следующему сезону... девушка уже готова, совратитель накладывает на свою жертву руку.

– Правую, – заметил Поль, – так как он, вероятно, начал с левой. Итак, все хорошо, что хорошо кончится.

– Нет, – возразил Гектор. – Эти господа не женятся, и – что всего страннее – наши девушки знают это и даже вовсе не желают выйти замуж, потому что обыкновенно это какие-нибудь авантюристы без всяких средств, вроде Летранжа и Сюберсо, а нынешняя молодая девушка ищет в замужестве прежде всего богатства.

На звонок Поля вошел слуга и на требование счета снова удалился, Гектор продолжал:

– Второй крах, как я вам только что сказал, – крах приданого, такой же пагубный для современной девушки, как и крах целомудрия. Совершенно невинных девушек более нет, но и богатых не более. Миллионер дает за дочь 200 тысяч франков, то есть шесть тысяч годового дохода, то есть ничего, не на что даже нанять месячное купе. Значит, никогда еще девушка не была в такой зависимости от мужчины, а так как она обладает единственным средством покорить его – любовью, то матери позволяют им, по материнской нежности, как можно ранее узнать, что такое любовь.

Против слов «материнская нежность» Максим резко заявил протест.

Гектор продолжал:

– Ну, да, конечно, по материнской нежности, и ей-то, современной матери, по-моему, обязаны мы, так сказать, исчезновением типа «молодой девушки» недалекого прошлого. В прежнее время, девушка воспитывалась в монастыре, в полном неведении, так как вы, надеюсь, не придаете веры застольным, ресторанным рассказам безнравственности монастырей? Она выходила оттуда для того, чтобы выйти за человека, почти неизвестного ей, но избранного ее родителями; таким образом, все материальные расчеты были устранены, а они-то одни почти и служат причиной супружеского разлада. Муж, на самом деле, являлся человеком, через которого девушка знакомилась с жизнью, а это большой шанс быть любимым! С другой стороны, выходя даже из самого аристократического парижского монастыря, девушка в самой скромной обстановке находила все-таки более комфорта, чем в монастыре. Таким образом, девушки были застрахованы от двух серьезных крахов. Но что же произошло потом? Среди этого счастливого молодого поколения нашлось несколько истеричных женщин нынешнего поколения, вроде Симероз, которые стали находить грубым, неприятным и жестоким вступление девушки в брак, без какого бы ни было знакомства с жизнью; они стали кричать о предательстве, насилии и так на шумели, что и других убедили. И вот, добродетельные современные матери завопили: «Воспитывать ребенка вне семьи, выдавать замуж такое невинное существо, незнакомое с жизнью! – Это преступление!» И они постановили не совершать этого преступления над своими дочерьми. Результат вам известен. Молодая девушка не томится более в монастыре, но

готовится с 15 лет к жизни широкой, к полному довольству, которое родители подготавливали в течение сорока лет. Она выйдет замуж знакомая с жизнью; но обыкновенно не довольствуется теорией любви, а старается изучить ее на практике и... роли меняются. И в наше время разве только жених может наткнуться в спальне на сюрприз, а уж никак не невеста...

Трое собеседников несколько времени молчали. Слуга подал счет. Поль заплатил и сказал:

– Пора идти, половина одиннадцатого; мне еще надо дописать доклад, а завтра рано утром я хочу поездить верхом. Вы, ведь, отправитесь в оперу, мистер Шантель?

– Я поеду, – ответил Максим, – если ваш брат поедет со мною. Иначе, я только подожду матушку при разъезде.

– Я поеду с вами, – сказал Гектор. – И если хотите, мы можем отправиться... уже пора, Мы придем, как раз к шапочному разбору.

Они надели пальто и вышли.

У подъезда сенатор отыскал свое купе. Ночь, с ее ясным морозным небом, окутывала холодом незастроенное место старого оперного театра. Тонкий слой сухого снега отполированного ногами пешеходов, покрывал блестящим покровом мостовую. Огни газовых рожков и матовые шары электрических фонарей ярко блестели в морозном воздухе. Над городом растянулась чудная зимняя ночь, светлая, ясная, торжественная.

– Хотите, я вас доведу до театра? – спросил Поль Тессье.

– Нет, – ответил Гектор. – Две минуты footing'a нас освежат. Отправляйся, сенатор, к своим докладам.

Купе отъехало, Гектор и Максим пошли бульваром, Гектор закурил сигару, Максим шел рассеянный рядом с ними; мысли его были далеко от блестящего и редкого для него зрелища, которое представлялось его глазами.

– Вы мечтаете, поручик? – спросил Гектор.

Максим разом остановился, точно лошадь под ударом хлыста; его худое лицо, еще более обыкновенного вытянувшееся, глаза, лихорадочно блестевшие, и нервное покручивание коротеньких усов выдавали сильное нервное возбуждение.

– Послушайте, Тессье, – сказал он. – Вы говорили сейчас о знакомых молодых девушках мадемуазель Рувр и даже о ее сестре в крайне неприятных для меня выражениях. Я должен сказать вам, что питаю к мадемуазель Рувр, хотя и мало знаю ее, самое глубокое уважение... и я не хочу скрывать этого от вас...

– Но, дорогой мой, – возразил Гектор, – мне кажется, я даже и не произносил имени мадемуазель Рувр.

Максиму стало неловко.

– Извините... я виноват, говоря с вами такими тоном. Я очень... вполне... доверяю вам, – прибавил он, дотронувшись до его руки и снова принимаясь шагать... – Вспомните только, какой я отсталый здесь, в Париже, я совсем не знаком с вашей жизнью. Я пахарь, который охотно доверяется человеку и судит о нем по его наружности, как о погоде по небу. Я знаю, вы совершенная противоположность мне, а между тем я уверен, что вы можете быть моим другом... Обещаете вы мне это?

– Без сомнения, Максим, – ответил растроганный Гектор и подумал: «Таких слов не много услышишь у нас, идя по улице Favat к Vaudeville. Что за странный ветер дует в Везери?»

– Мадемуазель Мод де Рувр, – начал он медленно в то время, когда они шли к Оперу по *chaussee d'Antio* и улице *Meyerbeer*, – мадемуазель Мод де Рувр обладает слишком красивой и блестящей внешностью, чтоб не возбудить зависти и клеветы. И я предупреждаю вас, вам будут дурно говорить о ней; вооружитесь терпением и берегите ваше сердце. Мне не к чему учить вас доверять женщине, которая вас, вероятно, очень пленила, не так ли? Но я хочу сделать вам два необходимых указания, только не считайте их пустыми, не разобрав их хорошенько. Во-

первых, в Париже не найдется ни одной светской молодой и красивой девушки, которой бы не приписывали если не любовников, то, по крайней мере, товарищей дурного препровождения времени. Что делать! Подобные случаи так часты, что поневоле приходится извинять злословие. Все эти белые, голубые, розовые платья, которые вы сейчас увидите в ложах, не всегда прикрывают вполне непорочное тело. Между этими девушками так много так называемых полудев! На безусловно честных лежит чужое пятно. Во-вторых, если в парижском свете почти невозможно узнать достоверно самое интересное о девушке, то также трудно узнать и относительно ее нравственности. Обыкновенно, приключение, заставляющее ее пасть, происходит без свидетелей, особенно когда дело касается очень юной девушки. Сама она, понятно, не расскажет. И если всплывет что наружу, то благодаря низости ее сообщника, то есть любовника или... полулюбовника; а разве можно верить такому господину? И в действительности никто ничего не может знать: непорочная или падшая, скромная или бесстыдная такая-то молодая девушка, которая всегда останется сфинксом для того, кто ее любит.

Они дошли до Оперы, где здание ее выходит полукругом на улицы Gliick и Halevy и тихо двинулись по уединенному уголку Парижа, в это время почти пустынно, почти темному, резко отличавшемуся от соседних улиц, по которым беспрерывно сновали вдоль тротуаров ярко освещенные экипажи в дорогой упряжи.

«Если бы Мод слышала меня, – подумал Гектор, – я уверен, она была бы довольна мной. Впрочем, против совести я ничего не сказал». Максим проговорил как бы про себя:

– Но каких же мужей находят себе эти девушки, которых вы называете полудевами?

– Полудевы? Они выходят замуж за подозрительных баронов, важных коммерсантов, не успевших еще прогореть, каких-нибудь красавцев, одержимых смертельными недугами, вообще разного сорта господ с именем, которые умирают через месяц или год после свадьбы. Это какое-то роковое наказание для этих маленьких обманщиц: они полагают все скрыть в браке, а брак-то и выдает их головой. А случается, что капризная судьба дает этим девушкам прекрасных, честных мужей и они становятся примерными женами, на подкладке (для их мужей) опытных любовниц. Все равно. Во всяком случае, риск слишком велик, и я никогда не женюсь на парижанке. Было бы глупо искать между ними белую голубицу: так много черных перекрашиваются в белые... Я выберу менее редкую породу, но более прочного цвета.

– А именно?

– Маленькую, беленькую гусынку, выращенную и вскормленную в провинции.

И заметив, что на лицо Максима опять набежало облачко, он прибавил:

– Если не встречу, конечно, такое высшее существо – как мадемуазель Мод Рувр, недосягаемое для злословия и с таким редким характером.

Гектор тотчас был вознагражден за свою громкую фразу: лицо Максима просияло. Он подметил у него быстро сдержанное желание схватить его руку и пожать ее.

«Виноват ли я, – подумал он, – что принужден относиться к этому мальчику, как доктор к больному? Если сказать ему правду, он или себя или другого убьет. А я ведь и сам не знаю истины. Да и кто знает ее? А между тем он может быть счастлив с ней, даже будучи и обманут. „Разве счастье не обман?“ как сказал Вертер».

Вестибюль Оперы наполнился публикой, так как наступил антракт.

– Ну что, заходим? – спросил Гектор.

– Пожалуй.

Максим следовал за своим спутником, который шел с уверенностью привычного посетителя, взбираясь по лестницам и проходя по коридорам. А Максиму все это монументальное здание, весь этот блеск мрамора, представшее его непривычному взору, эта шумная, нарядная толпа показались ненавистными, чуждыми ему; он как бы ощущал близость неприятеля и предчувствовал свою гибель.

«Мне нужна женщина не из этого мира».

В нем кипело также недовольство собой за неловкость, приобретённую продолжительным отшельничеством, которую он так, хорошо понимал, сравнивая себя с этими веселыми, развязными людьми. Одним словом, он был настоящий провинциал в столице и ненавидел легкие нравы парижского городского общества.

«Неужели моя жизнь сейчас сольется с этим напускным довольством, таким далеким от спокойствия, о котором я мечтал?»

Однако, несмотря на эти рассуждения, его тянуло увидеть Мод и доказать себе, что он, наперекор всему, сохраняет веру в нее. И увидев ее сидящей в ложе между Жакелин и Жанной, он в первый раз выговорил про себя, со свойственной ему во всех его решениях энергией: «Я хочу ее...»

Спустя несколько минут Гектор и Максим уже входили в ложу, откуда только что вышел Аарон, чем-то озабоченный, и наглый; в ложе оставались две матери и три молодых девушки. Мод тотчас уступила свое место Гектору, между Жанной и Жакелин, а сама вышла с Максимом в аванложу.

«Для такой женщины можно сделать всякую глупость», – подумал Гектор, провожая ее глазами. – «Счастливы те, которые могут быть дураками!»

Действительно, в этот вечер Мод особенно блистала красотой, она казалась царицей, созданной для единодушного и безмолвного поклонения толпы, и все в ней казалось очаровательным, начиная с темных волос с рыжеватым отливом и кончая открытыми туфлями, обувавшими ее породистую, узенькую ножку. Сидя возле нее на красном канapé, Максим с ревнивым восторгом любовался ею. На ней был розовый корсаж с прошивками из золотого кружева; гладкая муслиновая юбка того же цвета. На вороте была самая скромная выемка, едва дававшая понятие о груди; зато правое плечо было видно почти все, так как узкая пройма держалась простым аграфом в форме жука из старинной бирюзы. При искусственном освещении волосы ее отливали, красным, темно-синие глаза казались янтарными, цвет лица был еще более матово бледный. Максим смотрел на нее с ревностью и, вместе с тем, счастливый говорил себе: «Нельзя не любить этой женщины».

И эта неприступная царица говорила с ним! Она говорила очень благосклонно-любезно, как говорят царицы, когда хотят отличить кого-нибудь. Она благодарила его за то, что он приехал, его, который обожал её за разрешение быть с ней.

«Ах, сказать бы ей, что он испытывает сейчас, ползать у ее ног, исчезнуть во прахе и крикнуть ей: „Я люблю вас! Я люблю вас! Я ваш раб! Я верю вам!“»

И он еще смел сомневаться в ней! осмелился допустить мысль, что она дала кому-нибудь права на ее недостижимую красоту! Теперь он считал такое подозрение святотатством.

Мод, разговаривая о том, что дальше всего было от их мыслей, о пьесе, о публике, о холодной зиме, чувствовала на себе восхищение и желание, горевшее в груди Максима. И она гордилась этой неожиданной победой, совершенно не похожей на все прежние.

В нескольких словах она рассказала ему, как провела свой день, и потом спросила:

– А вы... что вы сегодня делали в этом громадном Париже?

Он не признался ей, что еще рано утром он проехал мимо ее дома верхом, прежде чем отправиться в лес, где он в бешеной скачке хотел утопить лихорадку и овладевшее им беспокойство. Он только сказал ей:

– Я катался верхом до завтрака; завтракал в отеле «Миссионеры», где остановился с матерью и Жанной... Потом ездил по делу, заехал к одному старому товарищу по полку.

Он остановился.

– Но к чему рассказывать вам все это, в жизни моей нет ничего интересного для вас... Скажу вам одно, – что весь этот день, всю прошлую ночь у меня была одна мысль...

Мод встала, улыбнувшись.

– Идут музыканты в оркестр. Останьтесь с нами; мы поболтаем при выходе. И вы останьтесь, Гектор, – сказала она уступившему ей место Тессье.

Всю последующую жизнь Максим Шантель должен был помнить этот знаменательный час, когда при свете сверкающих люстр, при звуках чарующей музыки, в этой волшебной обстановке, он почувствовал, что судьба его таинственно связывалась точно какой-то невидимой силой, с теми лицами, которые в драме управляют судьбой героев. Он не заметил, как будто в зале было темно, вчерашних гостей мадам де Рувр: белокурую Учелли декольтированную до талии, Сесиль Амбр, мадам Реверсье с дочками, сидевших рядом в ложе, переполненной черными фраками, Люка Летранжа, в глубине ложи, прикасавшегося своей светлой бородой к сухому затылку Мадлен; не заметил он и Жюльена де Сюберсо, сидевшего в партере и беспрестанно с беспокойством оборачивавшегося к ложе Рувров. Жюльен был необыкновенно изящен, и множество дамских лорнеток было направлено на него... Максим еще раз убедился, что вступает на неведомый ему, опасный путь; но и на этот раз он взял в руки свою энергию, как кровную лошадь, прищпорил ее, отпустил поводья и пустил ее искать. Что были для него все эти препятствия, пропасти и опасности пути, раз он мчался к Мод?... к Мод, которая, как он был твердо уверен, думала в эту минуту только о нем, желала увлечь его и удержать около себя.

«Она будет моей женой или жизнь моя будет разбита».

Между тем Жанна де Шантель, сидя рядом с Мод, неподвижная с блуждающим взором, безмолвно смотрела на сцену, тогда как Жакелин обменивалась едва заметными знаками с одним из кавалеров в ложе Реверсье на том таинственном языке, который из Лондона был занесен в Париж. Её юное личико время от времени покрывалось румянцем, без видимой причины, как будто внутреннее пламя загоралось и погасало в ней. Волнение ее происходило от сознания, что она вступает в неведомый ей свет, от близости этих мужчин, так мало похожих и по костюму, и по манерам, на их посетителей в Везери; может быть, ее волновало также сознание, что она вчера и сегодня производит впечатление на одного из них, так как и теперь, пока Мод выходила с Максимом, Гектор Тессье обратился прежде к ней, а потом к Жакелин. Ее горячее, молодое сердечко испытывало непривычное чувство; но и у неё, как у Максима, была на душе тихая грусть; она видела себя одинокой среди этих людей, чуждых ее внутреннему миру, ее безусловной порядочности. Чтобы успокоить себя, она повторяла: «я здесь с мамой и братом, значит, в этом нет ничего дурного».

И очень вероятно, что изо всей этой толпы, возбужденной прекрасными исполнением «Валькирии», только двое, Максим и Жанна, думали и чувствовали сознательно и понимали свои мысли и свое сердце. Все же остальные, испорченные Парижем, пресыщенные, представляли собой что-то неопределенное, не знающее даже своих собственных желаний, не отдающее себе отчета в том, весело ли им, или не лучше ли было бы, если бы прекратилась эта музыка; за ними – утомительный, монотонный день, впереди – бессонная ночь; душа их была не чувствительна ни к чему, чувства притупились... Думала ли о чем эта бедная больная голова мадам Рувр, преследуемая воспоминаниями, ребячески кокетливая и страдающая от своих немощей? Думали ли о чем-нибудь эти мужчины с блуждающими нечистыми взглядами, вроде Летранжа, терзаемые смутным желанием и неуверенностью в возможности удовлетворить его. И вот они возвращались к своей постоянной задаче соблазнять женщин, как маньяки неудержимо возвращаются к овладевшей ими идее, которая не приносит им удовлетворения, а, напротив, ввергает их в прострацию. Думали ли о чем, например, эти нервные куклы, все эти Жакелин, Марты, Мадлен, Реверсье, Жюльеты Аврезак, Доры Кальвель, изнемогающие от бесплодных потрясений, с пустым сердцем и умом, в котором преобладает одна мысль – о любви и мужчинах? Эта истасканная Учелли, в которой все чувства, даже артистические, объяснялись чувственностью, думала ли о чем, когда при всяком страстном клике Валькирий на сцене, нервно хваталась за руку сидевшей около нее Сесили Амбр, а та в это же время другой рукой доставала из кармана машинку Праватц, к которой она в продолжение вечера несколько раз прибегала в полу-

мраке ложи? И он, Жюльен Сюберсо, зондировавший свое сердце, сам удивившийся, открыв в нем чувство ревности рядом с раздражением авантюриста и скептицизмом присяжного развратителя, также не знает, чего ищет, чего желает, куда стремится... А рядом с ними, сколько подобных им молодых девушек, матерей, людей праздных, ведущих тот же бесцельный, бессознательный образ жизни, усталые жизнью и цепляющиеся за него, чувственные и пассивные, серьезные и наивные. Между ними изредка попадаются артисты, деятельные члены общества; они тоже ходят ощупью, не зная хорошо, в чем их идеал; жаждут денег, ослепленные завистью к чужим успехам и до безумия очарованные своими собственными.

Несомненно, лучшими из всей этой толпы были предавшие себя на волю Божью, те, которые подобно, Этьеннет Дюруа, спокойно улыбавшейся своим милым личиком из-за плеча мадам Учелли, и Гектору Тессье, этому наблюдателю чужих нравов, – судили и осуждали окружавшее их общество, в твердой уверенности, что рано или поздно и для них настанет счастливая звезда и выведет их на другую дорогу.

Опера кончилась. Дамы наскоро надевали свои широкие манти, мужчины расплачивались с привратницами; зал быстро пустел. Максим сводил с блестящей лестницы Мод, опирающуюся обнаженной рукой на его руку. Слова, которые только что готовы были сорваться с его языка: «я вас люблю! я вас хочу!..» а теперь застряли в горле, не шли больше с языка среди шума и гама этой толпы. А между тем, именно в таком положении он столько раз представлял себе Мод в своем Везери. Мечта, по-видимому, осуществлялась и причиняла ему чуть не страдание.

Мод, проходя галереей, неожиданно для Максима, высвободила свою руку. За ним стоял Жюльен де Сюберсо, закутанный в длинный черный плащ с бархатным воротником; он имел такой взволнованный, трагический вид, что Максим, хотя и не большой мастер распознавать состояние чужой души, заподозрил драму. Он отошел, стараясь казаться равнодушным, хотя и терзался ревностью. Мод подошла к Сюберсо, и глаза их встретились посреди этой движущейся нарядной толпы.

– Вы с ума сошли, – прошептала она. – Воздержитесь, если не хотите погубить меня.

– Мод!.. – пробормотал он.

Она пристально посмотрела на него.

– Завтра, – тихо сказала она, – в четыре часа, у вас, на улице Бом... Ждите меня.

И отошла от него, убедившись, что слова её успокоили его. Мод дала опять руку Максиму и совершенно естественным голосом сказала, не дожидаясь вопроса:

– Бедный мальчик, он влюблен в Мадлен Реверсье, а та не любит его; он видел, как весь вечер Лёгранж флиртовал с ней и теперь совсем с ума сходит... Я несколько успокоила его. Это мой старый друг детства. Мы вместе играли в Тюильри. Видите, в этом скептическом и ветреном Париже есть место и для искреннего, чистого чувства...

Максим поверил тому, что говорила Мод и успокоился. На этот раз его сердце было отуманено любовью.

У нижних ступенек, у правого крыла здания, экипажи, один за другим быстро подъезжая к подъезду, скрывали за своими дверцами элегантных посетителей Оперы, закутанных в шубы, в плащи, в ретонды, в накидки, обшитые дорогими мехами.

В карету мадам де Рувр, – один из тех великолепных экипажей, в прекрасной упряжи, которые парижские кучера держат специально для найма богатым иностранцам – сели Жанна и ее мать, которых Рувры должны были довести до их отеля «Миссионеров».

Максим один шел пешком... Гектор затерялся в толпе, и он не стал искать его. Ему приятно было остаться наедине со своим счастьем. Он шел, сам не зная куда, по улицам города, на которых стоял шум от разъезда публики из театров, и этот шум становился меньше и глуше по мере того, как Максим углублялся в пустынные кварталы левого берега. Когда он вернулся в отель, довольно поздно, он против обыкновения, не зашел поцеловать спящую Жанну.

Все прошедшее было отнесено на задний план волнами настоящего. Когда Максим остался один в своей холодной, неприветливой комнате «миссионерского» отеля, он кинулся в кресло и вслух проговорил слова, передававшие состояние его души:

– Ах! Когда любишь женщину так, как я люблю эту, надо было бы знать ее ребенком, совсем ребенком, и из года в год воспитывать ее как сестру!

Глава 4

Редкие из домов на бульваре Haussmann, между avenue Pereire и улицей де Корсель, не имеют двух выходов для хозяйственных потребностей квартирантов на тихую улицу Baume. Квартыры, в домах этой улицы заключают в себе одно редкое для Парижа преимущество: их окна выходят в сад, принадлежащий отелю «Де Сегюр», роскошные поляны которого оканчиваются в нескольких шагах от улицы де Корсель. Этот царственный сад, на который давно уже покушаются разные инвесторы общественных зданий, весною населяется соловьями, как деревенский помещичий парк; зимой высокие деревья, часто покрытые инеем, точно обернутые ватой, скрывают своими ветвями, оголенными от листьев, дома соседней улицы La Boetie и заставляют совершенно забывать о близости шумной и деловой части Парижа – квартала Сен-Оноре.

Жюльен Сюберсо уже четыре года занимал квартиру в этой удачно расположенной местности. Помещение его находилось в небольшом особнячке, вероятно оно было приспособлено для холостой квартиры какого-нибудь аристократического сынка, имело свою лестницу и удобный отдельный выход на улицу Бом. Этот особнячок всегда отдавался отдельно, так как большой главный дом мог обходиться без него.

Когда Жюльен в первый раз приехал в Париж, в восемьдесят пятом году, из своей родной провинции из городка департамента Оды, он занимал должность секретаря мистера Аскена, богатого владельца виноградников в окрестностях Лиму, избранного депутатом от своей провинции. Жюльен, двадцати одного года от роду, был последним мужским потомком одной из самых древнейших фамилий в его стране. Он знал цену своей красоте и своим способностям и страдал от недостатка средств. Решившись заранее на всякие сделки, вооружившись гордостью, не допускающей чужого суда, он вступил в Париж подобно этим чудным химерическим Бальзаковским героям, которые объявляли городу: «Ты будешь мой!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.